

ББК 63.3(2)613

Н.А. Данькина

Интеллигенция и власть Восточной Сибири в 1920–1930-е гг. в освещении отечественной историографии

N.A. Dankina

Intellectuals and the Power of Eastern Siberia in 1920–1930 in Interpretation of Native Historiography

Представлен анализ истории изучения проблемы взаимоотношения интеллигенции и власти Восточной Сибири в 1920–1930-е гг., в том числе дается оценка советской и современной отечественной историографии проблемы перехода старых специалистов, национальной интеллигенции на позиции социализма. Раскрывается новый подход к взаимоотношению интеллигенции и власти региона, предлагаемый В.Л. Соскиным, С.А. Красильниковым, Н.А. Артамоновой и другими исследователями.

Ключевые слова: историография, интеллигенция, власть, Восточная Сибирь, противостояние, дореволюционные организации национальной интеллигенции, сотрудничество, репрессии.

Проблема взаимоотношения интеллигенции и власти актуальна как в советской, так и современной отечественной историографии. В рамках этой проблемы в советской исторической науке поднимались вопросы политической дифференциации интеллигенции в зависимости от ее отношения к советской власти, привлечения дореволюционных кадров на партийную и государственную работу. Одним из методологических аспектов взаимоотношения интеллигенции и власти являлся вопрос трактовки понятий «старые» и «новые» кадры.

Основной проблемой привлечения дореволюционной интеллигенции на сторону советской власти являются условия этого процесса. Они были определены на VIII съезде РКП(б): установление строго контроля за деятельностью специалистов со стороны рабочего класса и его государственных органов в сочетании с систематической учебой представителей трудящихся классов у специалистов; упорная последовательная борьба с антимарксистскими взглядами на положение и роль интеллигенции в советском строительстве. Эти условия определили развитие советской историографии проблемы привлечения дореволюционной интеллигенции Сибири на сторону советской власти.

Проблемы взаимоотношения интеллигенции и власти, политической дифференциации старой интеллигенции стали объектом внимания общественности с 1920-х гг. Как указывают исследователи, проблема политической дифференциации старой интеллигенции рассматривалась не с научной, а с практической

The author analyses the history of studying the problems concerning interrelations between intellectuals and the power of Eastern Siberia in 1920–1930 and gives an appraisal of Soviet and modern historiography to the problem of transition of old specialists, national intellectuals to the position of socialism. A new approach to interrelation between intellectuals and the power of Eastern Siberia given by V. Soskin, S. Krasilnikov, N. Artamonova and other researchers is revealed in the article.

Key words: historiography, intellectuals, power, Eastern Siberia, opposition, pre-revolutionary organizations of national intellectuals, cooperation, repression.

точки зрения. В первых работах поднимался вопрос дифференциации интеллигенции в зависимости от ее отношения к советской власти. Выделялась тенденция увеличения нейтрально настроенной к новой форме правления интеллигенции. Это объяснялось созидательной деятельностью государства, осознанием интеллигенцией своего места в коммунистической революции. В основном эта точка зрения была представлена сменовеховцами [1–6].

Проблема привлечения дореволюционной интеллигенции Восточной Сибири на сторону советской власти в основном рассматривалась региональными историками. В 1920-е гг. на страницах газет разгорелась дискуссия о характере деятельности дореволюционной якутской организации национальной интеллигенции «Саха Омук». В результате дискуссии сложилось две точки зрения на данную проблему. Первая была представлена беспартийной интеллигенцией, рассматривающей «Саха Омук» как организацию массовую, национальную, как «смычку» между властями и населением, вторая – партийно-советскими органами, отрицавшими это мнение [7–11].

С конца 1920-х – 1950-е гг. якутская национальная интеллигенция рассматривалась в советской историографии как носительница буржуазно-националистической идеологии, ее обвиняли в подготовке мятежа 1927–1928 гг. [12–13]. С этой позиции оценивалась и деятельность «Саха Омук». Однако в 1940–1950-е гг. предпринимались попытки дать иную оценку национальной интеллигенции Якутии.

Анализ литературного творчества ряда представителей якутской интеллигенции, например А.Е. Кулаковско-го, А.И. Сафронова, Н.Д. Неустроева, позволил ряду исследователей отвергнуть их характеристику как националистов, контрреволюционеров, реакционеров. Среди таких работ заслуживает внимание монография Г.П. Башарина «Три якутских реалиста-просветителя», опубликованная в 1944 г. [14]. Но в 1951 г. после выхода в газете «Правда» статьи С. Борисова, А. Суркова, Л. Климовича сам автор был обвинен в национализме за эту работу [15], а книга была запрещена.

В 1960–1970-е гг. в советской историографии оценка деятельности «Саха Омук» и ее взаимоотношения с советской властью были представлены двумя точками зрения. Большинство исследователей стали рассматривать эту организацию как культурно-просветительное общество, основной формой деятельности которого являлось привлечение национальной интеллигенции на сторону советской власти [12, с. 126–143; 16–19]. Другие исследователи, например А.И. Новгородова, утверждали, что «Саха Омук» – это политическая организация тойоната [20, с. 157].

В Бурятии проблема вовлечения национальной интеллигенции в социалистическое строительство в основном анализировалась в русле сформировавшихся историографических подходов. Основным вопросом стала характеристика идейно-политической борьбы между бурятской интеллигенцией и группой бурятских коммунистов по вопросам национально-государственного, национально-культурного, языкового строительства.

Расцвет бурятской историографии проблемы взаимоотношения интеллигенции и власти относится к 1950-м гг. Он был ответной реакцией на книгу западного советолога Р. Рупена. Последний считал, что социализм привел к гибели большинства представителей дореволюционной бурятской интеллигенции, в результате массовых репрессий 1937–1938 гг. были уничтожены многие её представители [21, с. 383–398].

Отдельные вопросы привлечения интеллигенции к социалистическому строительству рассмотрены следующими представителями бурятской исторической школы: Г.Л. Санжиевым, Б.Д. Цибиковым, Б.М. Митуповым, И.И. Осинским и др. Они отвергали тезис о том, что социализм привел к гибели многих представителей дореволюционной бурятской интеллигенции. Для работ бурятских исследователей советского периода были характерны историко-партийная направленность, чрезмерная описательность, жесткая периодизация этапов культурной революции [22; 23; 24, с. 39; 25].

В отечественной историографии одним из важных методологических вопросов привлечения интеллигенции на сторону советской власти является трактовка терминов «старые» и «новые кадры».

В советской историографии при сравнении «старых» и «новых» кадров, как указывал С.А. Красильников, подчеркивался преимущественно буржуазный состав дореволюционной интеллигенции и рабоче-крестьянский состав нового послереволюционного пополнения работников умственного труда [26, с. 24–26]. С.А. Красильников и В.Л. Соскин пересматривают эту точку зрения [27, с. 44–47, 63–64]. Они считают, что преобладающим социальным типом российской интеллигенции по социальному положению, социальным связям и мировоззрению как в канун революции, так и позже был мелкобуржуазный интеллигент. С.А. Красильников вслед за С.А. Федюкиным отмечает, что в 1920-е гг. по сравнению с дореволюционным периодом степень мелкобуржуазности «старых кадров», вовлекаемых в социалистическое строительство, еще более увеличилась.

С середины 1980-х гг. проблема привлечения к сотрудничеству дореволюционной интеллигенции стала рассматриваться через призму взаимоотношений интеллигенции и власти, роли государственной власти и партии в формировании советской интеллигенции. С.А. Красильников отмечает, что в подаче этой проблемы имелись и перегибы. «Эпоха перестройки и постсоветское время доказывают устойчивость и живучесть политологических построений. При всех внешних их отличиях от предыдущей схемы трудно не заметить сходство логики рассуждений части исследователей, но теперь уже по принципу “перевернутого изображения”. Спектр взаимоотношений “власть-интеллигенция” нередко трактуется ныне таким образом, что оппозиционность (враждебность, неприятие) части интеллигенции большевистской власти ставится интеллектуалам в заслугу, а союзоспособность по отношению к власти становится величиной негативной. Представление о власти как абсолютном зле, а интеллигенции как ее перманентной жертве настолько легко перешло из публицистики в исторические исследования, что это может быть темой специального историографического анализа» [28, с. 42].

Теоретические основы современной историографии проблемы привлечения старой интеллигенции Сибири были предложены В.Л. Соскиным и С.А. Красильниковым. Они считают, что после Октября наряду с задачей создания пролетарской интеллигенции ставилась задача привлечения на сторону советской власти в первую очередь и в основном «традиционной группы» (медиков, учителей), тогда как в отношении «органической», буржуазной интеллигенции проводилась линия политического отсека, прямой идейной конфронтации, т.е. классовой борьбы в ее открытой и прямой форме [27, с. 44–47, 63–64].

Вслед за В.Л. Соскиным С.А. Красильников писал, что переходу старой интеллигенции на позиции социализма способствовали целенаправленное воздей-

ствие и руководство со стороны партии, государства, советских общественных организаций. Он предложил «формулу перехода» как последовательного движения от профессионального сотрудничества к политическому признанию советской власти, а затем к принятию мировоззренческих основ марксизма. Эта точка зрения нашла признание в ряде современных работ по истории интеллигенции Сибири в целом, Восточной Сибири в частности. С.А. Красильников также дает периодизацию перехода старой интеллигенции и выделяет три этапа: первый (октябрь 1917 – конец 1920 гг.) – революция и Гражданская война; второй (1921–1927 гг.) – переход к нэпу и первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства; третий (1928–1937 гг.) – годы первых пятилеток. На первом этапе история интеллигенции Сибири не отклонялась от магистрального развития. Второй этап – эта вторая ступень к прочному сотрудничеству интеллигенции и советской власти в Сибири. Методы привлечения специалистов прочно занимают ведущее положение по сравнению с методами нейтрализации, борьбы с враждебными элементами. Происходит массовый переход интеллигенции от нейтральности к признанию Советов. Таким образом, по мнению С.А. Красильникова, второй этап выглядит как массовое вовлечение интеллигенции в сотрудничество с советскими органами на основе политического признания ею диктатуры пролетариата. На третьем этапе (наступление социализма) усилилась поляризация интеллигенции. С.А. Красильников одним из первых поднял проблему консолидации части интеллигенции против советской власти – «спецеедов» и борьбу с ними. Он указывает, что это явление было характерно для всей страны, в том числе и Сибири, феномен «спецеедства» получил развитие в тех регионах, где началось активное промышленное развитие, например, на востоке России, где создавалась вторая угольно-металлургическая база (Урало-Кузнецкий угольный бассейн). Но тем не менее в ходе борьбы эта часть производственной интеллигенции становится органической частью единой социалистической интеллигенции [29, с. 27].

В ряде работ современных исследователей, касающихся проблемы взаимоотношения интеллигенции и власти, упоминаются примеры противостояния вплоть до саботажа мероприятий советской власти интеллигенцией.

Конфликт дореволюционной интеллигенции, в частности учительства, и советской власти, ее саботаж рассматривал В.Л. Соскин в работе «Общее образование в советской России: первое десятилетие. Ч. 1 (1917–1923 гг.)» [30]. Эта работа стала отправной для современных исследователей противостояния интеллигенции и советской власти Восточной Сибири. В.Л. Соскин указывает, что политически активная часть учительства приняла лозунги социальной спра-

ведливости в сочетании со стремлением к мирным компромиссным способам разрешения общественных конфликтов. Из этой среды вышло немало руководителей местных эсеровских и других демократических организаций, работников земских учреждений. Эта часть интеллигенции выступала против радикализма большевиков, открытой узурпации власти и т.д. Для многих демократически настроенных учителей был неприемлем сам факт нелегитимности перехода власти в руки большевиков. Реакцией на него были резолюции протеста, принятые на собраниях учителей. В Сибири такие собрания прошли, в частности, в Иркутске и Красноярске. Таким образом, в 1990-е гг. стало возможным говорить о «саботаже» советской власти, в частности, учителей, которые отказывались вести занятия в школах. Негативное отношение к советской власти работников умственного труда, по мнению В.Л. Соскина, было связано с грубыми методами деятельности малоопытных и малообразованных служащих вновь созданных управляющих структур [30, с. 38].

Другой причиной конфликта между советской властью и интеллигенцией, по мнению В.Л. Соскина, стал декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», когда часть учителей заступились за религиозное воспитание. В.Л. Соскин предлагает пересмотреть оценку советской историографии, которая рассматривала деятельность этой категории учителей как проявление отсталости и некультурности, а работу Всероссийского учительского союза (ВУСа) как злонамеренное противодействие советским реформам и контрреволюционную деятельность. Он предлагает рассматривать деятельность ВУСа не как политический конфликт, а как разногласия с Наркомпросом в понимании проблем педагогики и организации школьной жизни [30, с. 41].

В.Л. Соскин замечает, что к вопросу взаимоотношений интеллигенции и советской власти в первые годы ее существования необходимо подходить более вдумчиво и непредвзято.

О противостоянии советской власти и интеллигенции, вплоть до саботажа мероприятий советской власти в Восточной Сибири, писали С.М. Тотышев, Н.Я. Артамонова, Е.П. Антонов, В.И. Пестерев и др. [31–37].

О противостоянии власти и учительства в Хакасии впервые было заявлено в 1995 г. в статье С.М. Тотышева «Учительство и школа Хакасии в условиях установления Советской власти (по новым архивным материалам)» [31].

Н.Я. Артамонова в монографии «Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX – середина XX вв.)» [32] поднимает проблему привлечения на сторону советской власти «старой» интеллигенции, а именно учительства – представителей самой массовой интеллигентской

профессии. Она делает вывод о том, что переход «старых» специалистов на позиции социализма является завершённым тогда, когда представитель интеллигенции стал советским по своим убеждениям, сознательно воспринял идеологию и политику партии. По мнению Н.Я. Артамоновой и других исследователей, этот процесс завершился только во второй половине 1930-х гг. [32].

Проблемы взаимоотношения интеллигенции и власти в Якутии в 1917 г. и после них получили освещение в работах Г.Г. Макарова [38–39]. В частности, в его монографии, посвященной истории повстанческого движения в Якутии, впервые подвергнута пристальному анализу проблема участия национальной интеллигенции в организационной оппозиции. Специального упоминания, с нашей точки зрения, требует монография Е.Е. Алексеева, где история повстанческого движения рассматривается в контексте развития национального вопроса и национальных отношений в Якутии [40].

Деятельность же самой якутской интеллигенции в первые годы советской власти изучена в меньшей степени. Исключение представляют монографии Е.П. Антонова, где подробно описана ее просветительская работа [33–34].

Дальнейшая политическая судьба национальной интеллигенции в итоге революционных потрясений 1917 г. рассмотрена Н.Н. Дьяконовой в работе «Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX – 1917)» [41]. В основе ее методологического подхода лежит теория А. Грамши о присущих интеллигенции функциональных различиях. Согласно этому критерию Н.Н. Дьяконова вслед за А. Грамши делит интеллигенцию на «органическую» и «традиционную». Под первой подразумеваются идеологи и политики разных классов; под второй – прочие специалисты, работающие в интересах общественного развития в целом (медики, учителя). Она отмечает, что последовавшие за Октябрем 1917 г. события завершили процесс размежевания, дифференциации якутской интеллигенции, прежде всего по вопросу об отношении к советской власти и перспективах развития Якутии. Ссылаясь на докладную записку видного партийного и советского деятеля Якутии П.А. Ойунского 1921 г., она выделяет три политические группировки интеллигенции: коммунистическую, социал-демократическую, буржуазно-демократическую. Социал-демократическая группировка распалась после ссылки ее лидера. Буржуазно-демократическая также отошла от политики после высылки ее лидера В.В. Никифорова. После установления в конце 1919 г. советской власти в Якутии началась непримиримая борьба с идейными противниками и политическими оппонентами. В 1920 г. была ликвидирована культурно-просветительская организация «Саха Аймах». Некоторые лидеры национальной интеллигенции были

приглашены на государственную службу, но вскоре обвинены в контрреволюционном заговоре с целью создания самостоятельного якутского государства. Н.Н. Дьяконова вслед за Г.Г. Макаровым считает, что полное физическое истребление первого поколения якутской интеллигенции привело к повстанческому движению 1921–1922 гг. [41, с. 162–165].

Однако, как указывает Н.Н. Дьяконова, взаимоотношения между «старой» и «новой» интеллигенцией не приобрели яркого антагонизма. Были примеры проведения лояльной политики в отношении «старой» интеллигенции, привлечения к мероприятиям советской власти в сфере культуры, науки, образования. Автор рассматривает создание в 1920 г. и деятельность культурно-просветительского общества «Саха Омук», объединившего интеллектуальную и творческую, а также партийную элиту. Но в начале 1921 г. общество было закрыто. В конце 1921 г. было создано новое общество «Манчаары», которое было переименовано в «Саха Омук». Н.Н. Дьяконова не соглашается с точкой зрения Е.П. Антонова о том, что общество придерживалось советской ориентации и сыграло значительную роль в советизации местного населения, в частности интеллигенции. Она считает, что общество объединило разных в идейном отношении людей, поэтому нельзя говорить об их идейной целенаправленной деятельности в отношении социалистических идеалов. Ее мнение исходит из точки зрения западных исследователей, согласно которой общество «Саха Омук» было центром националистических настроений, а материалы его периодического издания «Чолбон» отражали исключительно якутские интересы, а также пропаганду идей пантюркизма [42]. Н.Н. Дьяконова также считает, что общество было закрыто в 1928 г. за «националистическую деятельность», якутская интеллигенция была обвинена в антисоветском заговоре, национализме. Одна ее часть была расстреляна, другая эмигрировала.

На современном этапе развития исторической науки проблемой национальной интеллигенции Бурятии продолжает заниматься И.К. Соктоев [43]. В своих исследованиях он отмечает, что на работу в советских органах были привлечены учителя, просветители, общественные деятели, представители духовенства, инженерно-технические работники, чиновники старого аппарата управления, врачи, ученые-исследователи и другие работники умственного труда, но интеллигенция, привлекаемая на сторону советской власти, была малочисленной, профессионально слабо подготовленной [43, с. 14]. Он также указывает на отдельных представителей национальной интеллигенции – Ц. Жамцарана, Б. Барадина, М. Богданова, Г. Цыбикова, Э-Д. Ринчина, А. Доржиева, внесших значительный вклад в развитие национальной культуры, просвещения и науки в первые годы советской власти. И.К. Соктоев выделяет специфические особенности

и трудности в использовании старой интеллигенции Бурятии. В этих регионах роль местной интеллигенции была во многих отношениях иной, чем в центре страны. Здесь, отмечает И.К. Соктоев, в большей мере, чем в центральных областях, необходимо было идти навстречу революционно-демократическим или даже просто лояльным по отношению к советской власти представителям национальной интеллигенции [43, с. 14]. Одной из важных проблем в рамках привлечения дореволюционной интеллигенции на сторону советской власти и взаимоотношений интеллигенции и власти являются репрессии национальной интеллигенции. Современные исследователи интеллигенции Бурятии, указывает И.А. Соктоев, уже без боязни, открыто пишут о необоснованном обвинении представителей старой бурятской интеллигенции в пресловутом буржуазном национализме, панмонголизме и их физическом уничтожении в период массовых репрессий 1937–1938 гг. [43–45].

Проблемы взаимоотношения интеллигенции и власти в Туве в период существования Тувинской Народной Республики (ТНР) в 1921–1944 гг. рассматриваются в работах Р.Ш. Харунова, А.К. Сат, С.С. Ховалыг [46–48]. Хотя ТНР не входила в состав СССР, интерес к этой проблеме вызван тем, что тувинское руководство оказалось под влиянием Советской России. Поэтому, как указывает Р.Ш. Харунов, Советское правительство, осуществлявшее идеологическое руководство Тувой, хорошо понимало, что в ситуации, когда большинство населения республики оставалось неграмотным, придется опираться на ламство и старый чиновничий аппарат. Необходимо было трансформировать буддизм и его структуры, переориентируя их в сторону советского государства [46, с. 16]. Р.Ш. Харунов выдвигает тезис о том, что переходу лам на сторону новой власти способствовало «движение обновления», охватившее Тибет, Монголию, Калмыкию и проникшее в Туву. Оно возникло в конце XIX – начале XX в. в Бурятии, главным образом в среде национальной интеллигенции и части буддийского духовенства, стоявшего на реформаторских позициях. «Обновленцы» развивали идею лояльности к советской власти, подчеркивая, что философия буддизма не противоречит идеям марксизма. Пик сотрудничества власти и буддийской сангха, самой просвещенной части тувинского общества, пришелся на весну 1928 г., когда был создан Всетувинский съезд лам, на котором был поставлен вопрос об обновлении религии в соответствии с происходившими политическими изменениями в стране под влиянием Советской России. Однако, как указывает исследователь, к началу 1930-х гг. участие духовной интеллигенции в государственных и партийных структурах ТНР было завершено, так как при определенных условиях она могла выступить со своими политическими требованиями

вразрез новому курсу. С 1929 г. происходит переход от принципов сотрудничества к политике репрессий против духовной интеллигенции [46, с. 17].

О доминировании в управленческом аппарате в первые годы ТНР тувинской аристократии, зажиточных слоев, выходцев из ламаистского духовенства, дореволюционного чиновничества пишет С.С. Ховалыг [48, с. 21]. С середины 1920-х гг. после восстания в Хемчике под руководством бывшего помощника правителя хошуна Сумунака в 1924 г. был провозглашен курс на обновление и расширение социальной базы государственной власти путем избрания в ее структуры представителей трудового аратства и выходцев из малоимущих слоев населения [48, с. 22]. При этом, указывает С.С. Ховалыг, в 1928 г. из 34 человек высшего руководства двое были бывшими князьями, крупными чиновниками в сане угурда (правителя княжества), шестеро имели когда-то классные чины китайской иерархии, четверо являлись буддийскими чиновниками и лишь 20 чиновников были новобранцами из аратов [48, с. 22].

Тем не менее все исследователи проблемы взаимоотношения тувинской интеллигенции и новой власти в ТНР отмечают, что в 1928–1929 гг. в результате чистки государственного аппарата от представителей «феодально-байской группировки» управление Тувой перешло в руки жестко централизованной группы партийных функционеров.

В русле новых изысканий происходит акцентирование внимания исследователей на такой ранее малоизученной теме, как идеологи и лидеры повстанческого движения. Несомненный интерес с этой точки зрения представляет одна из монографий Г.Г. Макарова, где автор специально останавливается на вопросе участия интеллигенции в оппозиционном движении 20–30-х гг. [38]. По мнению исследователя, участие лучшей части дореволюционной интеллигенции в повстанческом движении было прямым результатом просчетов национальной политики советской власти.

Кроме этого, в конце 1990-х гг. были предложены новые формулировки проблемы привлечения интеллигенции на сторону советской власти, например, сохранения интеллигенцией ее лучших духовных, нравственных качеств в условиях сталинской модернизации [49, с. 196].

К сожалению, считают исследователи, проблема взаимоотношения дореволюционной национальной интеллигенции и советской власти не до конца раскрыта. Это связано с тем, что проблема противостояния интеллигенции и государства является практически новой в отечественной историографии, ее изучение представляет особую сложность из-за отсутствия источников, которые бы могли дать полное представление о проблеме. Это не дает возможности раскрытия истинной мотивации реакции и стратегии поведения национальной интеллигенции.

Библиографический список

1. Вольфсон С.Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория // *Красная новь*. – 1925. – №6.
2. Гредескул Н. Интеллигенция на переломе // *Известия*. – 1920. – 12 июля.
3. Гредескул Н. Одиночная попытка или общественное движение // *Известия*. – 1920. – 17 авг.
4. Мещяряков Н. Русские сменовеховцы // *Красная новь*. – 1922. – №2.
5. Сибиряков Н. Интеллигенция и органическая работа // *Известия*. – 1918. – 17 апр.
6. Полонский В. Заметки об интеллигенции // *Красная новь*. – 1924. – №1.
7. Емельянов И.К. К дискуссии о «Саха Омук» // *Автономная Якутия*. – 1925. – 18 марта.
8. К дискуссии о «Саха Омук» // *Автономная Якутия*. – 1925. – 15 марта.
9. Пестун Е.Г. «Саха Омук» и якутская интеллигенция // *По заветам Ильича*. – 1925. – №3.
10. Ярославский Е. О якутской интеллигенции // *Автономная Якутия*. – 1923. – 16 апр.
11. Ярославский Е. Национальная политика РКП(б) в Якутии // *Красная Якутия*. – 1923. – №2.
12. Гоголев З.В. Восстановление народного хозяйства Якутской АССР. 1923–1925 гг. // *Очерки по истории Якутии советского периода*. – Якутск, 1955.
13. Петров П.У. Разгром Пепеляевской авантюры. – Якутск, 1955.
14. Башарин Г.П. Три якутских реалиста-просветителя. – Якутск, 1944.
15. Борисов С., Сурков А., Климович А. За правильное освещение истории якутской интеллигенции // *Правда*. – 1951. – 10 дек.
16. Горохов С.Н. История интеллигенции в Якутии, 1917–1925 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1970.
17. Горохов С.Н., Аммосов М.К. О роли интеллигенции в борьбе за установление и упрочение Советской власти в Якутии // *Якутский архив : сборник статей и документов*. – Якутск, 1972. – Вып. 4.
18. Иванова А.А. Якутская партийная организация в период восстановления народного хозяйства. 1923–1925. – Якутск, 1968.
19. Аргунов И.А. У истоков социалистической культуры народов Якутии: О партийном руководстве начальным этапом культурной революции в Якутской АССР. 1920–1927 гг. – Якутск, 1971.
20. Новгородов А.И. Борьба Красной Армии, партизанских отрядов и крестьян Якутии против колчаковщины // *Ученые записки Московского областного института*. – 1958. – Т. 38. – Вып. 2.
21. Rupen R. Buriat Intelligentsia // *Far Eastern Quarterly*. – Mich. – 1956. – №3. – May. 15.
22. Латышев А.С. Деятельность КПСС по осуществлению ленинской национальной политики и формирование социалистических наций. 1917–1937 гг.: по материалам Бурятской АССР, Якутской АССР, Хакасской АО : дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 1982.
23. Санжиев Г.Л., Цибилов Б.Д. Вы клеветите, господин Рупен // *Советская Россия*. – 1959. – 4 июля.
24. Митупов Б.М., Санжиев Г.Л. Руководство Бурятской партийной организации культурной революцией в республике (1929–1937). – Улан-Удэ, 1962.
25. Осинский И.И. Формирование социалистической интеллигенции у народов Сибири. – Иркутск, 1984.
26. Востриков Н.И. Борьба за массы: Городские средние слои накануне Октября. – М., 1970.
27. Красильников С.А., Соскин В.Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти: 1917 – лето 1918 гг. – Новосибирск, 1985.
28. Красильников С.А. Конформизм российской интеллигенции как социальная ценность в XX веке (Дискуссионные заметки) // *Интеллигенция России в конце XX века: Система духовных ценностей в исторической динамике: тез. докл. и сообщ. Всероссийской научной конференции, посв. памяти проф. В.Г. Чуфарова*. – Екатеринбург, 1998.
29. Красильников С.А. Формирование советской интеллигенции Сибири в переходный от капитализма к социализму период. – Новосибирск, 1987.
30. Соскин В.Л. Общее образование в советской России: первое десятилетие. Ч. 1 (1917–1923). – Новосибирск, 1998.
31. Тотышев С.М. Учительство Хакасии в условиях установления Советской власти (по новым архивным материалам) // *Хакасия в XX веке: хозяйственное и социальное развитие*. – Абакан, 1995.
32. Артамонова Н.Я. Интеллигенция Восточной Сибири: опыт формирования и деятельности (конец XIX – середина XX вв.). – М., 2000.
33. Артамонова Н.Я. Учительство Восточной Сибири в первые послевоенные годы // *Актуальные проблемы современной российской модернизации : материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной 10-летию Республики Хакасия, 25 мая 2001 г. / под ред. Л.В. Анжигановой, Н.Я. Артамоновой*. – Абакан, 2001.
34. Антонов Е. «Если мы шли против соввласти...» (из истории движения конфедералистов в Якутии в 1927–1928 гг.) // *Полярная звезда*. – 1995. – №2.
35. Антонов Е.П. Культурно-просветительное общество «Саха Омук» (1920–1928). – Новосибирск, 1998.
36. Антонов Е.П. Интеллигенция Якутии. – Якутск, 1998.
37. Пестерев В.И. Ксенофонт: герой или бандит? // *Молодежь Якутии*. – 1992. – 12 февр.
38. Макаров Г.Г. Северо-Восток России в 1921–1922 годах. – Якутск, 1996.
39. Макаров Г.Г. Из истории общественно-политической мысли на Северо-Востоке России (70-е гг. XIX – 1917). – Якутск, 1994.
40. Алексеев Е.Е. История национального вопроса в Якутии. – Якутск, 1998.
41. Дьяконова Н.Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX – 1917). – Новосибирск, 2002.
42. Forsyth J. A History of the Peoples of Siberia. Russian and North Asian Colonies. 1581–1990. – Cambridge, 1992.
43. Соктоев И.А. Пути и методы формирования интеллигенции Бурятии // *Актуальные проблемы истории интеллигенции Бурятии*. – Улан-Удэ, 1999.

44. Шипаров Ю.С. Бурятская интеллигенция и общественно-политическая мысль Бурятии в начале XX в. – Улан-Удэ, 1993.

45. Выдающиеся бурятские деятели XVII – начала XX вв. – Вып. 1 / сост. Ш.Б. Чимитдоржиев, Т.М. Михайлов. – Улан-Удэ, 1994.

46. Харунов Р.Ш. Формирование интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Абакан, 2003.

47. Сат А.К. Формирование и развитие кадрового потенциала Тувы (1921–2004 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Абакан, 2006.

48. Ховалыг С.С. Социальный состав руководящих кадров Тувинской Народной Республики в 1921–1928 годы // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая : сборник научных статей молодых исследователей. – Вып. 9 / под ред. В.Н. Тугужековой. – Абакан, 2008.

49. Меметов В.С., Данилов А.А. Интеллигенция и власть: к проблеме модернизации российской провинции в 30-е годы XX века // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. – СПб., 1997.